

частей собора не восходятъ ранѣе XVII в. здѣсь находятся уже изображенія новгородскихъ святителей XV—XVI в. и даже новгородскаго митрополита Авфонія († 1653 г.), помѣщенное въ куполѣ ниже пророковъ¹⁾. Необходимо, впрочемъ, признать, что первоначальныя изображенія купола, отмѣченныя лѣтописцемъ, при передѣлкахъ не уничтожались, но лишь исправлялись.

Блестящій образецъ фресковой росписи представляетъ цер. *Спаса въ Нередицахъ близъ Новгорода*. Памятникъ этотъ, несмотря на свое высокое значеніе и художественно исполненные г. Мартыновымъ снимки, находящіеся теперь въ московскомъ Историческомъ музеѣ, доселѣ еще не обследованъ.

Церковь Спаса Преображенія построена въ 1198 г. Въ новгородской лѣтописи подъ 6706 г. записано: „князь великій Ярославъ сынъ Владимиръ, внукъ Мстиславль, заложилъ церковь камену во имя святаго Спаса Преображенія, въ Новгородѣ въ Нередицахъ. И начаша мастера дѣлати Юня въ 8 день, на память св. Θεодора, а скончаша мѣсяца Сентября“²⁾. Въ такой короткій срокъ времени, впрочемъ необычайный для того времени³⁾, церковь могла быть построена только вчернѣ; росписаніе ея произведено было въ слѣдующемъ году: „въ лѣто 6707, — продолжаетъ лѣтописецъ, — написаша церковь святаго Спаса въ Нередицахъ“⁴⁾. Это единственное извѣстіе въ лѣтописяхъ о настѣнномъ писмѣ Нередицкой церкви; дальнѣйшая исторія стѣнописи остается неизвѣстною. Подъ 1543 годомъ упоминается въ лѣтописи о Преображенской церкви, но о стѣнописяхъ ни слова: „въ лѣто 7051 бысть пожаръ въ Нередицахъ, въ монастырѣ у св. Спаса: да у Спаса святаго у каменной церкви верхъ сгорѣлъ до плечъ, да трапеза сгорѣла съ церковію Троица Святая, и иконы изъ нея вынесли“⁵⁾. Пожаръ этотъ, какъ видно, не распространялся на всю церковь Спаса, но только повредилъ верхнія части ея до плечъ и потому фрески остались цѣлыми. Настоящій видъ ихъ, равно какъ и палеографическіе признаки ихъ подписей не позволяютъ признать ихъ произведеніемъ и даже реставраціею XVI вѣка. Тѣмъ не менѣе то, признанное въ настоящее время, положеніе, что онѣ уцѣлѣли безъ возобновленій въ томъ видѣ, какой имѣли до 1200 года, нельзя считать вполне доказаннымъ. Положеніе это основывается прежде всего на свидѣтельствѣ лѣтописи, а затѣмъ подкрѣпляется и иными соображеніями: сюда относятся надписи, начарачанныя на томъ же грунтѣ, на которомъ находятся фрески, и указывающія на XIII-е столѣтіе. На столбѣ, между діакономъ и алтаремъ (южная сторона столба), начарачано: „въ лѣто 6787 (1279) мѣсяца октября 7 преставися рабъ Божій Кирилль на память св. Сергія, а 9 день жена его преставися Оксинія. Господи, помози рабу Твоему Кириллу и Оксиніи“. Подобная же надпись, сдѣланная тѣмъ же шрифтомъ, находится на югозападномъ столбѣ церкви: „въ лѣто 6762 (1254) мѣсяца Генваря 29 преставися рабъ Божій Козьма Ивановичъ“. Если послѣдняя надпись можетъ означать мѣсто погребенія мірянина подлѣ югозапад-

1) Макарий, Археолог. опис. новгород. церкв. I, 57.

2) Новгород. лѣтоп. изд. Археогр. ком. стр. 13, стр. 197.

3) Ср. Каменная церковь Преображенія въ старой Русѣ построена въ 70 дней; тамъ же стр. 198; церковь Трехъ Отроковъ въ Новгородѣ построена въ четыре дня; церкви деревянныя строились иногда въ одинъ день (обыденныя); ср. Е. Е. Голубинскій, Исторія русск. ц., I ч. 2, стр. 80.

4) Новгород. лѣтоп., стр. 14.

5) Тамъ же, стр. 73.

наго столба церкви, то первая не может имѣть такого значенія; допустить, чтобы женщина могла быть погребена въ алтарѣ или діаконикѣ мужскаго монастыря — слишкомъ трудно... Надпись, вѣроятно, сдѣлана для памяти кѣмълибо изъ почитателей умершихъ лицъ, можетъ быть лицомъ духовнымъ, мѣстнымъ монахомъ, и могла служить напоминаніемъ о времени кончины этихъ лицъ, нужнымъ для поминовенія на литургіи. Но какъ эта, такъ и другая надпись относятся уже къ XIII вѣку, даже къ 2-ой его половинѣ. Слѣдовательно онѣ не ручаются за то, что въ продолженіе слишкомъ 50 лѣтъ, протекшихъ отъ времени первоначальнаго написанія фресокъ, не было произведено здѣсь реставрацій: фрески по тѣмъ или другимъ причинамъ могли потребовать исправленія, и указанныя надписи могли быть нацарапаны не на первоначальномъ грунтѣ, но исправленномъ. Допустимъ даже, что это грунтъ первоначальный, тѣмъ не менѣе все-таки этимъ не исключается возможность исправленія фресокъ, состоявшаго, напр. просто въ освѣженіи красокъ, исправленіи испорченныхъ мѣстъ безъ поновленія цѣлаго грунта; исправленіе этого рода могло имѣть мѣсто даже спустя долгое время послѣ 1279 г. (дата второй надписи). Наконецъ, не нужно опускать изъ вниманія и того, что нацарапанныя на внутреннихъ стѣнахъ Нередицкой церкви многочисленныя надписи не были доселѣ никѣмъ провѣрены критически ни со стороны внутренняго содержанія, ни со стороны палеографической, что составляетъ одну изъ неотложныхъ частныхъ задачъ русской археологіи, а потому мы и не можемъ усвоить имъ рѣшающаго значенія въ вопросѣ о цѣлости первоначальныхъ Нередицкихъ фресокъ. Осторожность не излишняя въ виду соображеній, о которыхъ рѣчь ниже. Другимъ признакомъ цѣлости первоначальныхъ фресокъ служить, повидимому, изображеніе русскаго князя съ надписью на свиткѣ. Надпись издана и обслѣдована И. И. Срезневскимъ въ извѣстіяхъ И. Р. Археол. Общества¹⁾; текстъ ея слѣдующій:... „Въ о боголюбивый княже второй Всеволодъ злыя обличая добрыя любя правыя кормя и вся церковныя чины и монастырскія лики милостивны имая, но милостивче кто твоя добродѣтели можетъ исчести, но даждь Богъ цесарствіе небесное съ всѣми святыми, угодными ти въ безконечныя вѣки, аминь“²⁾. Ученый издатель надписи съ полною достовѣрностію полагаетъ, что этотъ князь есть не кто иной, какъ Ярославъ Владиміровичъ, который построилъ Нередицкую церковь: видѣть въ этомъ изображеніи лицо какого-нибудь другаго князя, не имѣвшаго особенно близкаго отношенія къ Нередицкому монастырю, нѣтъ основаній. Князь держитъ въ рукахъ модель построенной имъ церкви: это обычная иконографическая форма для изображенія ктиторовъ въ храмахъ византійскихъ³⁾, и даже грузинскихъ. Находящуюся при этомъ изображеніи надпись И. И. Срезневскій относитъ къ времени до 1200 года, — слѣдовательно, къ тому же времени, повидимому, нужно отнести и изображеніе князя. Не возражая противъ ученыхъ соображеній автора, основанныхъ на признакахъ письма, мы въ то же время не можемъ считать вопросъ этотъ окончательно рѣшеннымъ. Составитель надписи выражаетъ пожеланіе Ярославу царства небеснаго въ безконечныя вѣки. Но такое пожеланіе возможно было только послѣ кончины Ярослава; при жизни же было естественно пожелать ему здравія и долгоденствія.

¹⁾ Изв. И. Р. А. О. 1863 г. т. IV, стр. 201—205.

²⁾ Орфографія не соблюдена.

³⁾ Ср. еп. Екклезій въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ; Феодоръ Метохій въ Кахріе-Джани и др.

Такъ это и дѣлали русскіе писцы. Согласимся, что въ припискѣ на извѣстномъ Мстиславовомъ Евангеліи Алекса Лазаревъ выражаетъ пожеланіе царства небснаго живому князю Мстиславу Владиміровичу, но форма этого пожеланія иная: Алекса желаетъ „наслѣдія царства небснаго и долголѣтняго княжества“; здѣсь же буквально одно „царствіе небсное со всѣми святыми“. Рѣчь идетъ отъ составителя надписи и относится къ лицу, уже умершему; слѣдовательно, надъ этою надписью работала неизвѣстная рука не въ 1199 году, когда Ярославъ былъ живъ, но спустя нѣкоторое время. Время кончины Ярослава въ лѣтописяхъ не отмѣчено. Въ лѣтописи по архивскому списку, изданному археографическою комиссіею, подъ 1214 годомъ, замѣчено, что Ярославъ засѣлъ въ Торжкѣ; издатели признаютъ въ этомъ Ярославѣ строителя Нередицкой церкви¹⁾. Онъ живъ былъ даже въ 1233 г., какъ видно изъ словъ: „Борисова чадь взяла Изборскъ изгономъ съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ и съ нѣмци²⁾“. Если вѣрно, что Ярославъ скончался послѣ 1233 года, то ясно, что рассматриваемую надпись нельзя относить къ концу XII вѣка. Въ 1199 году Ярославъ былъ еще живъ и въ томъ же году выведенъ Всеволодомъ изъ Новгорода³⁾. Отнести надпись къ концу XII в. возможно только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что Ярославъ въ томъ же 1199 г., то-есть, когда расписывалась Нередицкая церковь, скончался. Болѣе вѣроятнымъ представляется первое предположеніе — особенно въ виду слѣдующихъ соображеній. Покойный Прохоровъ, усмотрѣвъ на головѣ Ярослава подобіе татарской фески, усумнился относительно времени происхожденія этого изображенія и рѣшился отмыть верхній слой фрески, — предположеніе о фескѣ оказалось ошибочнымъ, но промывка привела къ важному открытію: въ изображеніи оказались слѣды поновленій; подъ верхнимъ изображеніемъ князя открылось другое первоначальное изображеніе. Если поновлено изображеніе князя, то, весьма вѣроятно, въ то же время передѣлана и надпись, въ которой реставраторъ могъ усмотрѣть слѣды анахронизмовъ: произойти это могло вскорѣ послѣ кончины Ярослава, когда преданіе объ его добродѣтеляхъ было еще свѣжо въ народной памяти. Но если потребовалась реставрація для изображенія князя, то возможно предположить ее и для остальныхъ стѣнописей храма; не легко понять, почему предпринята была реставрація одной фигуры; если фигура эта обветшала, то должны были къ тому времени обветшать и другія. Какъ произведена была реставрація? Полагаемъ, что весьма осторожно: это подтверждается съ одной стороны сравненіемъ изображенія Ярослава первоначальнаго съ подновленнымъ, съ другой — тѣмъ, что не смотря на тщательные поиски и наблюденія, слѣдовъ реставраціи въ священныхъ изображеніяхъ мы не нашли. Вѣроятно, фрески обновлены были по старымъ чертамъ. Время обновленія опредѣляется отчасти признаками палеографическими, которые указываютъ на XII—XIII вѣкъ, отчасти художественными и иконографическими. Ученый издатель надписи не видитъ съ палеографической точки зрѣнія препятствій отнести

1) См. указатель стр. 28. С. М. Соловьевъ, упоминая о томъ, что Ярославъ былъ въ Торжкѣ, относить это пребываніе ко времени до вторичнаго призыва Ярослава въ Новгородъ въ 1197—8 годахъ. *Исторія Россіи* т. 2, стр. 361—362. Съ другой стороны связанна въ лѣтописи съ извѣстіемъ о пребываніи Ярослава въ Торжкѣ событія (страшный голодъ и задержаніе новгородцевъ) тотъ же историкъ соединяетъ съ именемъ Ярослава Всеволодовича, но не Владиміровича; *ibid.* 373—374.

2) *Погодинъ*, *Исслѣд.*, замѣч. и лекціи по русск. исторіи, т. VI, № 188.

3) *Лѣтопись*, стр. 13.

надпись къ XII вѣку; хотя замѣчаетъ, что „рисунокъ нѣкоторыхъ буквъ этой надписи не совсѣмъ тотъ, что въ книгахъ того времени“; во всякомъ случаѣ какъ надпись при изображеніи Ярослава, такъ и всѣ другія не позже XIII в. При изображеніяхъ святыхъ въ свиткахъ встрѣчаются греческія надписи; удержаны греческія вертикальныя надписи *αγιος*. Стилъ и подробности костюмовъ, за исключеніемъ русскаго костюма Ярослава, стоятъ ближе къ греческимъ памятникамъ, чѣмъ въ фрескахъ владимірскихъ соборовъ Дмитріево-Успенскаго, и приближаются къ остаткамъ древнѣйшихъ фресокъ Кіево-Кирилловскаго монастыря. Въ виду сказаннаго мы склонны видѣть въ Нередицкихъ фрескахъ памятникъ XII в., возобновленный очень осторожно въ XIII в. Въ цѣломъ Нередицкія фрески представляютъ чрезвычайно отрадное явленіе въ ряду другихъ памятниковъ фресковой живописи. По обилію иконографическихъ сюжетовъ и типовъ, удовлетворительной сохранности и отсутствію новѣйшихъ исправленій онѣ превосходятъ всѣ извѣстные доселѣ памятники фресковой росписи въ Византіи и Россіи до XV в. Грунтъ весьма крѣпкій съ примѣсью пеньки, сообщающей ему особенную вязкость¹⁾. Стилъ византійскій, сюжетъ и типы, за исключеніемъ кн. Ярослава, византійскіе; подписи вертикальныя, отчасти греческія, напр. *Ιω. προδρομος*; краски довольно блѣдныя; въ средней части храма онѣ болѣе ярки и плотны, чѣмъ въ алтарѣ; фигуры правильныя византійскія, величественныя; выраженіе лицъ серьезное даже строгое; сильныхъ анатомическихъ погрѣшностей не замѣтно; но аскетическая тенденція обнаруживается повсюду: въ морщинахъ между бровями, около носа и особенно на лбу; въ алтарѣ фигуры крупнѣе и короче (6 головъ = около 38 вершковъ), чѣмъ въ средней части храма (8 головъ); всѣ святители въ фелоняхъ, съ короткими волосами. Медальонныя изображенія въ аркахъ напоминаютъ соответствующія изображенія въ мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора. Поврежденія коснулись отчасти фресокъ алтаря, гдѣ повреждены изображенія апостоловъ въ тайной вечери; особенно же верхнихъ частей — сводовъ, купола и стѣнъ. Это могло произойти прежде всего во время пожара, бывшаго здѣсь 12 мая 1543 года.

Обращаясь затѣмъ къ размѣщенію сюжетовъ въ Спасо-Нередицкой церкви, нужно замѣтить, что оно весьма типично. Въ куполѣ, согласно древнѣйшему византійскому обычаю, изображенъ Иисусъ Христосъ въ разноцвѣтномъ кругѣ (небесныя сферы), поддерживаемомъ ангелами; нѣсколько ниже изображены апостолы²⁾ въ оживленныхъ позахъ: взоры ихъ обращены вверхъ къ Спасителю; иные въ движеніи, воздвѣваютъ руки; жесты эти и позы находятъ свое объясненіе въ фрагментахъ надписи вокругъ купола: „вси языци воспещите руками...“³⁾ Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что живописецъ, изображая эту картину, держалъ въ памяти конкретный фактъ Вознесенія Спасителя на небо: за это ручается какъ характеръ иконографической композиціи, такъ и продолженіе псалма, изъ котораго заимствована надпись: „взыде Богъ въ воскликновеніи, Господѣ во гласѣ трубѣ“⁴⁾; текстъ этотъ и въ экзегетической литературѣ и въ памят-

1) То же самое и въ остаткахъ фресокъ Благовѣщенской церкви на Городищѣ близъ Новгорода.

2) Табл. II.

3) Пс. XLVI, 2.

4) Ст. 6.

никах византийской и русской иконографии прилагался именно къ событію Вознесенія Господня. Ниже апостоловъ — пророки, а въ парусахъ сводовъ евангелисты; съ восточной и западной сторонъ на ребрахъ арокъ два изображенія Нерукотвореннаго образа. Слѣдовательно, въ убранствѣ купола мы имѣемъ изображеніе небесной церкви, подъ формами, почти неизмѣнно повторяющимися въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Въ зенитѣ алтарнаго свода изображенъ Іисусъ Христосъ *въ видѣ старца* съ сѣдою бородою и волосами; изображеніе это погрудное, въ медаліонѣ; Спаситель съ благословляющею десницею и свиткомъ въ шуйцѣ; глава Его украшена крестообразнымъ нимбомъ, въ которомъ написаны извѣстныя буквы *о ω ν*; по сторонамъ изображенія — надпись:

Іс Хс
ветъ днѣ
хы мѣ
н н.

Надпись и атрибуты изображенія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь изображенъ именно Іисусъ Христосъ. Сѣдина въ волосахъ и бородѣ не можетъ быть признана случайною порчею первоначальнаго колорита, напр., сыростію грунта, потому что сосѣднія изображенія, стояція въ одинаковыхъ условіяхъ, сохранили колоритъ въ своихъ темныхъ волосахъ. Сѣдина эта означаетъ то, что здѣсь Іисусъ Христосъ представленъ какъ ветхій деньми, что прямо отмѣчено и въ надписи. Надпись даетъ прямо видѣть, что выраженіе „ветхій деньми“ живописецъ прилагалъ именно ко 2-му лицу Пресв. Троицы: это имѣетъ свою важность при оцѣнкѣ извѣстнаго опредѣленія собора 1667 г. объ изображеніяхъ Бога Отца. Здѣсь мы имѣемъ рѣдкую иконографическую форму, характеризующую отношеніе нашего искусства къ изображенію Бога Отца и къ толкованію таинственныхъ мѣстъ Св. Писанія. Извѣстное прор. Даниила „престоли поставишася и ветхій денми сѣде“¹⁾ истолковано здѣсь въ примѣненіи къ Сыну Божію, какъ истолковано оно и отцами московскаго собора²⁾ 1666³⁾/₇ г. Возлѣ изображенія „ветхаго денми“ представлены два архангела Михаилъ и Гавриилъ съ жезлами въ десницахъ и съ шарами, въ которыхъ начертанъ крестъ съ обычными надписями *Іс. Хс. нѣка*; далѣе по направленію ко лбу алтарной апсиды изображенъ украшенный перлами престоль⁴⁾, на которомъ находится Евангеліе; на Евангеліи — Св. Духъ; за престоломъ шестиконечный крестъ съ терновымъ вѣнкомъ, трость и копіе; надпись: „престоль Господень *Іс. Хс.*“ — изображеніе довольно извѣстное въ памятникахъ византийскихъ⁵⁾; по сторонамъ трона херувимъ и серафимъ въ одинаковыхъ формахъ съ ромбоидальными рипидами и надписями: „святъ, святъ, Господь“. Во лбѣ апсиды — Богоматерь⁶⁾ въ пурпуровой мантии и голубой туникѣ, съ бѣлымъ платочкомъ за поясомъ. Въ нѣдрахъ Ея медаліонное изображеніе Божественнаго Младенца съ благословляющею десницею, со свиткомъ въ шуйцѣ; руки Богоматери воздѣты, какъ въ кіево-софійскомъ изображеніи Нерушимой стѣны. Богоматерь стоитъ на подножіи, украшенномъ перлами;

1) Дан. VII, 9; ср. 13, 22.

2) Гл. 44.

3) Табл. I.

4) Ср. Собр. визант. и русск. орнам. кн. *Гр. Гр. Гагарина*, табл. XIV и XXIV.

5) Табл. I.

перлами украшены также Ея обувь, поручи и нимбъ Спасителя. Старческий типъ Богоматери и недостатокъ отчетливости въ исполненіи обличаютъ посредственнаго иконописца, копировальщика; но несомнѣнно, что цѣлый типъ этого изображенія близко стоитъ къ той византійской школѣ, которая создала кievскую Нерушимую стѣну. Ниже Богоматери въ алтарной апсидѣ — раздаваніе Иисусомъ Христомъ св. хлѣба и чаши апостоламъ; еще ниже два ряда святителей, въ числѣ которыхъ можно разобрать по линіи С. В. Ю. Дометіана, Амфилохія, Власія, Ипатія, Лазаря, воскрешеннаго Спасителемъ и бывшаго, по преданію, епископомъ кипрскимъ, Іакова; Фе..., Григорія и Игнатія; всѣ они въ кресчатыхъ фелоняхъ съ Евангеліями въ рукахъ. На столпахъ возлѣ царскихъ вратъ св. діаконъ Лаврентій (СВ) и Авивъ (ЮВ)¹⁾, съ кадилами и сіонами въ рукахъ; на главахъ ясно видна тонсура. Въ полукружій жертвенника (съ сѣверной стороны алтаря) Богоматерь, а на стѣнахъ апостолы и св. мужи: Діонисій, Іаковъ Алфеевъ, Мина и др.; въ діаконикѣ однѣ св. жены²⁾: муч. Христина въ роскошной діадимѣ съ драгоценными привѣсками (*κορμαστήρια*), въ царскихъ одеждахъ, съ крестомъ въ правой рукѣ и простертою лѣвою дланью; св. Екатерина въ подобныхъ же одеждахъ, Агаѳія, Зиновія, Устинія и др., а въ полукружій діаконика самъ Спаситель (?). Это распредѣленіе изображеній жертвенника и діаконика имѣетъ свое основаніе въ томъ, что первый никогда не былъ доступенъ для женщинъ: онъ есть мѣсто священнослужителей; наоборотъ въ діаконикѣ допускались и діакониссы.

Въ средней части храма важнѣйшія мѣста заняты изображеніями двенадцатыхъ праздниковъ. На сѣверной стѣнѣ въ нижнемъ ряду между алтарными и средними столбами Введеніе Богоматери во храмъ³⁾: первосвященникъ простираетъ руки къ идущей къ нему Богоматери, за которою слѣдуютъ Іоакимъ и Анна и группа дѣвъ съ вѣнками на головахъ. На заднемъ планѣ портикъ іерусалимскаго храма: здѣсь сидитъ Богоматерь, а ангелъ приноситъ Ей пищу; въ томъ же ряду ближе къ иконостасу Срѣтеніе⁴⁾: Іосифъ держитъ въ рукахъ клѣтку съ птицами; впереди него Богоматерь держитъ Иисуса Христа, далѣе престоль съ киворіемъ и Симеонъ Богопримецъ, простирающій къ Спасителю руки, задрапированныя въ плащъ, за Симеономъ праведная Анна. Всѣ лица въ нимбахъ; нимбъ Иисуса Христа по обычаю крестообразный. Выше, въ слѣдующемъ ряду, по сторонамъ окна два пророка, надъ окномъ апостолы и, наконецъ, въ верхнемъ ряду по сторонамъ верхняго малаго окна распятіе: крестъ восьмиконечный; ноги Спасителя поставлены на поперечной косой балкѣ, тѣло въ изогнутомъ положеніи; титла не видно; также не видно ни адовой главы, ни Голгоѣы; вверху два ангела; внизу съ одной стороны двѣ св. жены, съ другой Іоаннъ Богословъ и воинъ; ближе къ иконостасу снятіе со креста: изображеніе стерто; можно различить только изображенія Иисуса Христа и Богоматери. Надъ этими изображеніями на сѣверномъ склонѣ церковнаго свода воскрешеніе Лазаря: Лазарь въ видѣ спеленутой муміи стоитъ возлѣ пещеры; Иисусъ Христосъ простираетъ къ нему руку; ближе къ иконостасу Воскресеніе

1) Табл. III.

2) Табл. IV.

3) Табл. V.

4) На той же табл.

Христово: Иисусъ Христосъ, повидимому, на вратахъ адовыхъ, по сторонамъ Его двѣ фигуры мужская и женская, означающія Адама и Еву; вверху подлѣ главы Иисуса Христа ангель. На восточномъ фасѣ сѣверозападнаго столпа Рождество Богородицы¹⁾: св. Анна на постели въ полулежачемъ положеніи, направо двѣ женщины съ сосудами, внизу двѣ женщины омывають Богоматерь въ купели; налѣво въ особомъ помѣщеніи за драпировкою стоитъ служанка. На южной стѣнѣ: внизу крещеніе Спасителя въ Иорданѣ²⁾: Иисусъ Христосъ стоитъ въ водѣ съ благословляющею десницею, у ногъ Его восьми-конечный крестъ съ надписью Іс. Хс.³⁾ Иоаннъ Предтеча возлагаетъ десницу на главу Иисуса Христа. На заднемъ планѣ — горы; сверху изъ-за горъ (слѣва) выставляются два ангела съ покрывалами въ рукахъ; съ правой стороны Спасителя еще два ангела съ такими же покрывалами; внизу съ лѣвой стороны группа людей сидящихъ: одинъ только что снялъ верхнее платье (кисть его правой руки еще въ рукавѣ), другой съ сумкою чрезъ плечо снимаетъ сапоги, третій бросился въ воду и плыветъ къ Иисусу Христу; изображенія Св. Духа нѣтъ. Гористый ландшафтъ оживленъ скудною растительностію. Надъ этимъ изображеніемъ вверху пророки и апостолы, надъ которыми еще изображеніе одного изъ праздниковъ (замазано). На той же южной стѣнѣ находится и вышеупомянутое изображеніе русскаго князя Ярослава Владиміровича⁴⁾: князь представленъ въ видѣ пожилаго человѣка съ длинною сѣдоватою бородою; на плечахъ его накинута безрукавная княжескій узорчатый костюмъ съ застежкой на правомъ плечѣ; на головѣ его шапка съ мѣховымъ околышемъ, на ногахъ сапоги. Въ правой рукѣ онъ держитъ модель построеннаго имъ небольшого храма, имѣющаго видъ прямоугольника съ одною алтарною апсидою и византійскимъ куполомъ. Онъ подноситъ этотъ храмъ Спасителю, Который сидитъ на тронѣ и благословляетъ подносящаго. Мы уже замѣтили, что иконописецъ повторилъ въ этомъ изображеніи довольно распространенную въ византійской иконографіи схему; но для изображенія русскаго князя въ русскомъ костюмѣ, съ церковію, у него не могло быть готоваго византійскаго образца; намъ не извѣстны подобные образцы и въ памятникахъ русской иконографіи ранѣе XII в. Изображеніе княжескаго семейства въ изборникѣ Святослава имѣетъ иной характеръ. Поэтому въ описанномъ изображеніи мы видимъ одну изъ древнѣйшихъ попытокъ приспособленія добытыхъ знаній къ представленію русскихъ національныхъ сюжетовъ. Попытка, правда, очень слабая, тѣмъ не менѣе въ ней замѣтна наблюдательность и умѣнье въ передачѣ характерныхъ особенностей костюма. Продолженіе цикла праздниковъ находится на хорахъ. Здѣсь на западной стѣнѣ представлено Рождество Христово⁵⁾: Богоматерь въ полулежачемъ положеніи; возлѣ нея Иисусъ Христосъ въ ясляхъ, въ которыя смотрятъ волъ и осель; вверху звѣзда; налѣво три волхва, различныхъ возрастовъ, въ коронкахъ и одеждахъ, украшенныхъ драгоценными камнями; позади волхвовъ Іосифъ сидитъ, повернувъ голову къ Богоматери; направо двѣ служанки омывають Иисуса Христа въ купели; надъ пещерою вверху четыре ангела по два съ той и другой стороны, внизу —

1) Табл. VI.

2) Та же табл.

3) На рисункѣ г. Мартынова крестъ переданъ не вполне точно.

4) Табл. III.

5) Табл. IV.

пастырь, къ которому обращается съ рѣчью ангель, стоящійверху; одинокій козель изображаетъ стадо. Надъ этимъ изображеніемъ Св. Троица въ видѣ трехъ ангеловъ и принесеніе въ жертву Исаака¹⁾; на сводахъ надъ хорами съ сѣверной стороны лобзаніе Іудино, съ южной — неясный эпизодъ изъ исторіи страданій Іисуса Христа, какъ видно изъ остатка надписи... „какъ предается на смерть“...

Внизу на западной стѣнѣ страшный судъ. Въ срединѣ картины²⁾ художникъ представилъ Христа Судію въ мидалевидномъ ореолѣ, съ простертыми дланями; по сторонамъ Его Богоматерь и Предтеча въ обычномъ молитвенномъ положеніи и 12 апостоловъ на престолахъ съ книгами въ рукахъ; позади апостоловъ 12 ангеловъ. По правую сторону апостоловъ два ангела — одинъ трубитъ внизъ, другой вверхъ; нѣсколько ниже мертвые встаютъ изъ гробовъ; Архангелъ Михаилъ свертываетъ небо, представленное въ видѣ свитка съ изображенными на немъ солнцемъ и луною. Подъ трономъ Спасителя уготованіе престола, подлѣ котораго направо Адамъ и Ева колѣнопреклоненные, а надѣво ангель съ праведными вѣсами и душою въ видѣ маленькой человѣческой фигуры; далѣе, надѣво³⁾ семь отдѣльныхъ группъ праведниковъ: ликъ апостоловъ, ликъ пророковъ, мучениковъ, отцевъ въ кресчатыхъ фелоняхъ, черноризцевъ, свв. женъ и еще одна группа, въ которой находится и ап. Павелъ (?); впереди этой группы ап. Петръ съ ключомъ. Первые шесть группъ обращены къ трону Спасителя, т. е. къ центру картины, а послѣдняя направляется въ противоположную сторону, очевидно, къ раю. Рай изображенъ отчасти надъ этими группами, отчасти на южной стѣнѣ: въ уровень съ апостолами на престолахъ представлена Богоматерь также на престолѣ среди двухъ ангеловъ, рядомъ благоразумный разбойникъ съ перевязкою по чресламъ. Продолженіе картины рая на южной стѣнѣ: здѣсь среди деревьевъ изображенъ Авраамъ съ душою праведнаго на лонѣ, украшеннаго нимбомъ, подлѣ Авраама кучка другихъ душъ⁴⁾. Адъ представленъ съ правой стороны⁵⁾: рядомъ съ Адамомъ и Евою сидитъ на звѣрѣ сатана — огромный старикъ съ длинными усами и щетинистыми волосами; онъ держитъ на рукахъ Іуду; далѣе апокалипсическая жена блудница на звѣрѣ; въ рукахъ ея сосудъ, изъ котораго пьеть обвинившійся вокругъ нея змѣй. Продолженіе на сѣверной стѣнѣ: пять ящиковъ съ выставляющимися изъ нихъ человѣческими головами означаютъ мученія грѣшниковъ; ниже евангельскій богачъ въ огнѣ. Нельзя сказать, чтобы эта картина отличалась правильностію и послѣдовательностію въ расположеніи частей; по мѣстамъ недостаетъ въ ней симметріи; нѣкоторыя части, какъ напр. сатана съ Іудой поставлены не на своихъ мѣстахъ. Но въ отношеніи полноты частей и ихъ сохранности она представляетъ явленіе рѣдкое: это первый по древности образецъ *полной* картины страшнаго суда *въ стѣнописяхъ*⁶⁾.

Кромѣ сложныхъ композицій, въ средней части храма разбросано на столпахъ и аркахъ немало отдѣльныхъ изображеній святыхъ: мучениковъ, мученицъ, преподобныхъ и столпниковъ. Роспись образцовая.

1) Ср. мозаики Виталія Равенскаго.

2) Табл. V.

3) Табл. VII.

4) На нашей таблицѣ нѣтъ этой части картины.

5) Табл. V.

6) Подроб. объясн. картины въ особ. соч. о стр. судѣ, помѣщ. въ III т. Трудовъ Одесскаго Археолог. Съѣзда.

странамъ свѣта, отсюда — въ четырехъ парусахъ — евангелисты. Распространенію и утвержденію церкви Божіей на землѣ много содѣйствовало мученичество и подвижничество; а потому на столпахъ церкви и отчасти на стѣнахъ изображаются мученики, столпники и др., бывшіе живыми столпами церкви Христовой. Они, равно какъ и апостолы, патріархи, пророки, евангелисты, воспоминаются въ древнихъ литургіяхъ¹⁾. Сущность вѣроученія церкви заключается въ Евангеліи, слѣдовательно, изображеніе на стѣнахъ храма важнѣйшихъ евангельскихъ событій, преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которыя отмѣчены установленіемъ особыхъ праздниковъ, служитъ нагляднымъ выраженіемъ этой вѣры, напоминаетъ о дѣйствіяхъ искупленія людей, поддерживаетъ и научаетъ жаждущихъ познанія истинной вѣры: это перлы Божественныхъ догматовъ, упоминаемыхъ патр. Гермогеномъ. Какъ выраженіе окончанія земной церкви и вмѣстѣ какъ поучительная картина, на западной стѣнѣ изображается страшный судъ. — Мы уже замѣтили, что относительно притворовъ трудно сказать что-либо опредѣленное по недостатку памятниковъ; тоже и относительно жертвенниковъ и діакониковъ. Замѣтимъ впрочемъ, что изображеніе Богоматери въ жертвенникѣ Спасо-Нередицкой церкви находитъ свое объясненіе въ словахъ патр. Софронія: „какъ пресущественный Богъ, воспріявъ плоть отъ Дѣвы, во единой ипостаси явился совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ... такъ и новое тѣло (проскомидійный агнецъ) какъ бы изъ нѣкоего чрева и отъ кровей и отъ плоти дѣвственнаго тѣла т.-е. изъ цѣлаго хлѣба изсѣкается діакономъ или іереемъ²⁾“; а изображеніе І. Предтечи (Дафни) вызвано евангельскимъ изреченіемъ: „се агнецъ Божій“ (Іоан. I, 29, 36), имѣющимъ связь съ приготовленіемъ въ жертвенникѣ проскомидійнаго агнца³⁾. Вообще нужно замѣтить, что 1) послѣдовательность и однообразіе проходятъ лишь въ главнѣйшихъ частяхъ стѣнныхъ росписей; 2) росписи древнѣйшихъ православныхъ храмовъ отличаются простотою; въ нихъ нѣтъ замысловатыхъ сюжетовъ, которые бы могли вызывать недоумѣнія; даже ветхозавѣтный элементъ, несмотря на то, что онъ глубоко проникалъ и въ древнюю литературу и въ искусство, занимаетъ въ нихъ, если исключить куполь, очень незначительное мѣсто⁴⁾. Текстъ древнихъ литургій прямо вызвалъ художниковъ на сравненіе голгоетской жертвы съ жертвами Авеля, Ноя, Авраама, Самуила, Мелхиседека и др., однако изображенія этого рода являются лишь въ видѣ исключенія въ немногихъ храмахъ (напр. въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ). Новозавѣтный храмъ украшается ясными новозавѣтными изображеніями.

Глава VI.

Греческія стѣнописи XVI—XVIII вв.

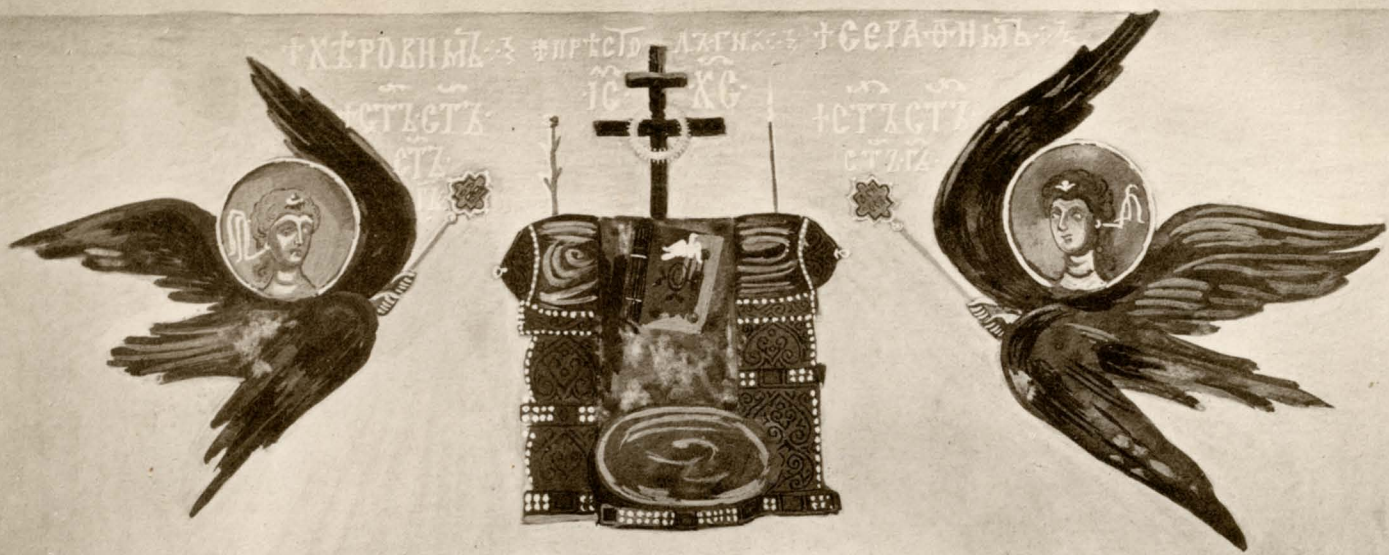
Новая эпоха въ исторіи церковныхъ стѣнописей греческихъ и русскихъ начинается въ XVI в. Паденіе византійскаго искусства наступило еще гораздо раньше паденія

1) Собр. др. лит. I, 127; II, 71, 127, 210.

2) Пис. отц. I, 275; то же въ толкованіи Θεодора Андидскаго, стр. 384.

3) Ср. текстъ проскомидіи.

4) Кіево-соф. соб. росписи въ западныхъ храмахъ, исполненныя византійцами, здѣсь не имѣются въ виду.

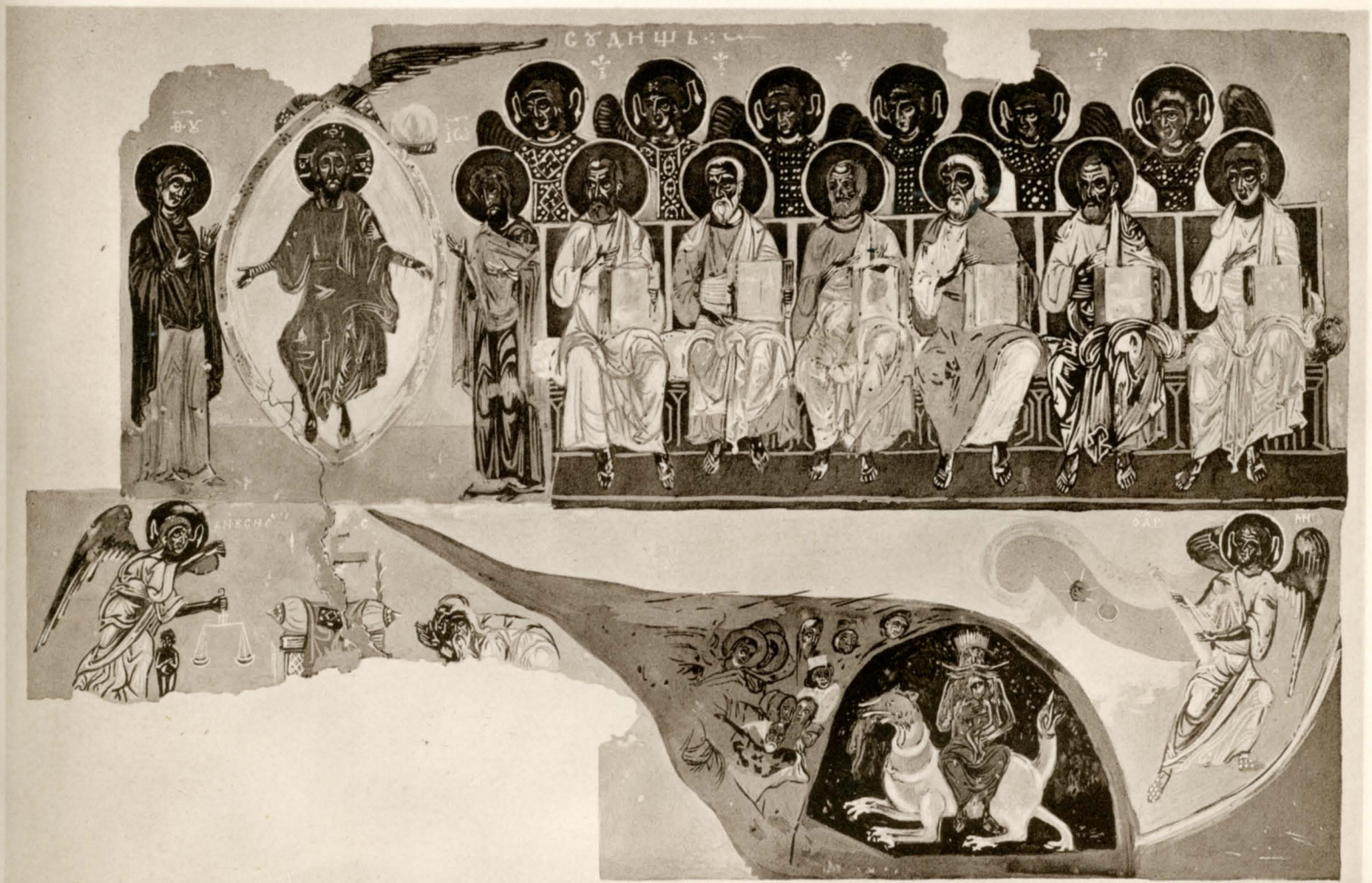

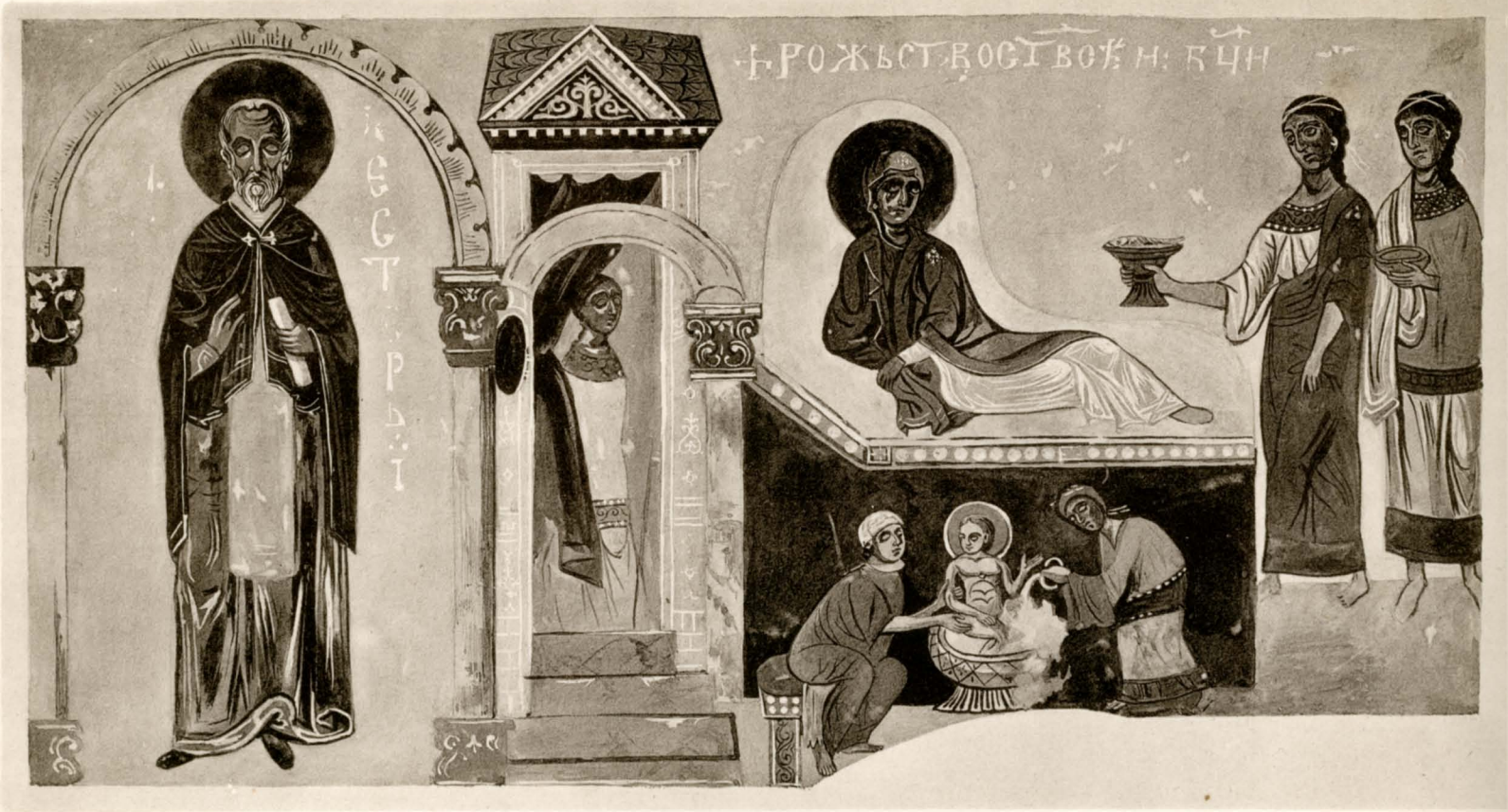

Фототипія Церковь Набогльчъ въ Москвѣ.

Фотогипія Шерерь Набольтъ и Кр. въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ.Набольшъ иже въ Мещанъ.

СТРАШЕН

К АН СТХХ
 АН УРНО АН ОЧЬ
 ЖЕНА
 АННУНКЪ АНПРЧКЪ
 АНАПЪ СС